

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

**СМЕРТЬ
ПОД ПСЕВДОНИМОМ**
Николай Атаров

Сделано в СССР. Любимый детектив

Николай Атаров

Смерть под псевдонимом

«ВЕЧЕ»

Атаров Н. С.

Смерть под псевдонимом / Н. С. Атаров — «ВЕЧЕ»,
— (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4444-8633-7

1944□год, наши войска освобождают Болгарию, где и начинают развиваться события этой остросюжетной повести известного советского прозаика Николая Сергеевича Атарова (1907–1978). Идет диверсия немецких агентов. Как их выявить, кто они? Этим и занимаются полковник Ватагин и его подчиненные. Им удастся арестовать немецкое посольство, спешно убегающее из Болгарии, но диверсии продолжают, и новые загадки по отдельным личностям — то болгар, то венгров — не дают покоя Ватагину и его адъютанту Славке Шустову. Двадцатилетний парень, он рвется к оперативной работе, и во многом благодаря ему распутывается этот клубок, суть которого заключается в том, что немцы просто готовят подмены похожих по внешности людей для сохранения своих... Знак информационной продукции 12+

ISBN 978-5-4444-8633-7

© Атаров Н. С.
© ВЕЧЕ

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	12
5	15
6	18
7	20
8	23
9	26
10	29
11	32
12	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Атаров

Смерть под псевдонимом

© Атаров Н. С., наследники, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

БРАЗИЛИЯ, 7 ИЮЛЯ (РЕЙТЕР).

ГВАТЕМАЛЬСКАЯ ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ СООБЩИЛА ОБ АРЕСТЕ ЧЕЛОВЕКА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ТОМ, ЧТО ОН ЯВЛЯЕТСЯ НАЦИСТСКИМ ПРЕСТУПНИКОМ МАРТИНОМ БОРМАНОМ.

Так Борман все-таки жив? Двадцать два года, прошедших после войны, люди задают вопрос, до сих пор так и не получив на него ответа. Сотни очевидцев наталкивались на следы нациста № 2.

– Мартин Борман жив и скрывается в аргентинском городе Сан-Карлос-де-Барилоче, – утверждает главный редактор журнала «Аргози».

– Следы Мартина Бормана обнаружены в ЮАР, – сообщает йоханнесбургская газета «Санди таймс».

В марте этого года чилийская газета «Эль сигло» опубликовала статью «Звери выходят из сельвы», в которой подробно рассказывается о показаниях задержанного бразильской полицией экс-лейтенанта СС Зонненбурга.

Эсэсовский офицер заявил, что с 27 ноября по 5 декабря 1966 года он принимал участие в сборище нацистов, которое проходило в боливийском городке Санта-Крус под председательством освенцимского врача-садиста Йозефа Менгеле.

1

В августе 1944 года королевская Румыния вышла из войны.

С часу на час ждали появления передовых частей Красной Армии в Бухаресте. На восточных заставах бежавшие с фронта солдаты (без погон и ремней) и шоферы, измученные ночной ездой, рассказывали о событиях, происшедших между Днестром и Прутом: там пятнадцать германских дивизий размалываются в советском котле, румынские солдаты сдаются в плен или поворачивают оружие против немцев.

Столичные толпы, взметаемые сквозняком паники, рассыпались, как пролитая ртуть, – лишь звенело битое стекло под ногами бегущих. Два устаревших танка типа «рено» метались, поднимая бессмысленную стрельбу вдоль омертвевшего бульвара Элизабет, в парке Чисмиджу, у памятника Михая Витязю. И снова собирались толпы у репродукторов на площадях дожидаться королевского манифеста о капитуляции или у дымящегося здания филармонии – глазеть на ее расколотый бомбой стеклянный купол.

Красную Армию ждали в разных районах столицы по-разному.

В заводских предместьях вооруженные пикеты рабочих уже захватывали цеха и конторы предприятий. Впервые за много лет фашистского террора коммунисты открыто выступали в цехах. Из распахнутых ворот тюрем с утра под ликующий говор народа медленно растекался поток политических заключенных. В элегантных особняках на тихих улицах с тщеславно вычурными названиями Гаага, Женева, Анкара, Париж жгли в каминах накопившиеся за долгие годы, ставшие опасными документы, дневники и письма. В дешевом отеле «Дакия» всю ночь до рассвета хлопали дверями, вопили пьяные голоса: там дебоширили напоследок дезертиры.

Какие они, эти русские, прогнавшие королевскую армию и ее великих союзников от берегов Дона и Волги? И чем порадуют на прощание немцы? Пока что они уже бомбили союзный город, благо летать недалеко – прямо с пригородных аэродромов... Пыль клубилась над королевским дворцом. Посерели от пыли медвежьих кивера гренадер, шагавших вдоль чугунной ограды покинутого дворца.

Только одна улица, Каля Липскань, улица черной биржи, нисколько не изменила своему обычному деловому оживлению. Напротив: запруженная толпой, в тесноте кричащих витрин и реклам, эта улица из самой бездны разгрома извлекала свою новую наживу, свое последнее торжество.

Даже в часы, когда ветер войны доносит с полей трупный запах и когда стены королевских резиденций падают, источая желтую пыль, буржуа не замечают оскорбительной неуместности своих клетчатых пиджаков и радужных галстуков. Стадо маклеров и спекулянтов брело по узкой улице.

Что им нищета ограбленного народа, солдатчина навязанной войны, когда сегодня можно успеть сбыть с рук летящие в бездну ценности! Что им банкротство «исторических» партий, когда в любой подворотне о курсе леи осведомляются запросто, как «который час», – 216, 218, 220... Два-три беглых слова на ходу, опасливый взгляд в узкую полоску неба: не летят ли бомбить? – и вот уже услужливые маклеры уводят свою клиентуру в глубину нечистых дворов, передают из рук в руки нефтяные акции «Ромыно – Американа», «Астра – Ромына»... Марки и леи падают. Американские доллары и советские рубли взлетают. В мелких купюрах – одна цена, подешевле: труднее хранить. В крупных – другая.

Так кишел и роился, точно базар в канун Рождества, этот закоулок взбудораженного Бухареста, этот маленький центр оголтелой наживы, всего лишь в двух часах полета от испепеленных, обезлюдивших украинских сел.

2

В такой толпе окликнешь знакомого – не сразу услышит. Метнувшись в уличном скопище, бледный мужчина с черными усиками задержал за локоть проходившую мимо него женщину.

– Так вот вы где, Мариша, – по-русски заговорил он, как старый знакомый, не отпуская ее руки. – Смотрели удочки! И куда: в Букурешти.

Женщина была немолода, но стройна, над розоватым загаром – серебро седых волос. И серебристо-серый плащ, и розовая сумочка обдуманно повторяли эту гамму. В подрисованных глазах – лихорадочный блеск; тонкая рука в белой испачканной перчатке, когда женщина подняла ее к виску, задрожала.

– Болит голова, Стасик, – сиплым голосом заговорила она. – Ох, как болит.

– Вам нездоровится. Он-то, по крайней мере, знает, этот... любитель конного спорта?

– Что-то творится со мной. – Она вульгарно-громко расхохоталась и вдруг договорила почти шепотом: – Непоправимое.

– Вы почувствовали это в Софии?

– Да, во вторник.

– И вы не заметили перемены со стороны Джорджа?

– Он такой мнительный. – Она сказала это без улыбки.

– Стал избегать? Стал сторониться вас? И у вас все время болит голова?

– Почему вы об этом спрашиваете, Стась? Вы что-то подозреваете? Да, голова очень болит. Потом – боли в суставах. И тошнота. И озноб.

– Значит, вы все поняли? Вы поняли?

– Я догадалась. – Она отвернула край перчатки на левой руке и показала язвочку, окаймленную белым валиком. – Я заметила это во вторник. – Ее губы задрожали, слезы появились на глазах. – Милый Стасик, вы думаете, что это он сам сделал... что он мог решиться на это, чтобы избавиться от меня?

– Разве легко от вас избавиться. Все знают, что вы невропатка, – грубовато ответил ее собеседник.

Прорезая толпу, приближались рослые полицейские. Блеснуло золото кокард и шнуровки на их высоких фуражках.

– Пропустим их, – вполголоса сказал Стасик.

Во всем его облике было что-то от фатоватого героя бульварного романа – в галстук-бабочке под энергичным сизым подбородком, в бриллиантовом сиянии прически.

– Давно хотел спросить вас, Мариша, – сказал он, когда прошли полицейские. – Сейчас это позволительно. Вы работали на немцев?

– Под кличкой Серебряная? Чудак вы, Стась, – «работала». Я никогда не работала. Я любила Джорджа. И теперь я ушла, как больная кошка, чтобы не подохнуть дома... – Она закашлялась, говоря непрерывно. – Он сам теперь в руках Крафта, этого слизняка в белых ресничках. Я ненавижу их обоих. Я не хочу, не хочу...

– Любите... Ненавидите... – Что-то безжалостно-циничное блеснуло в глазах Стасика. – А знаете ли вы, обаятельная, что вы давно были обречены? Хотите или не хотите, вас ожидает участь солдат из зондеркоманды, когда в них минует надобность.

Он обернулся. Толпа метнулась врассыпную, кто-то кричал: «Это тряпка тлеет! Успокойтесь! Просто тряпка! Кто подкинул ее? Вот сволочь! Это провокация...»

Паника длилась несколько секунд, не более.

3

Временный мост, наведенный советскими саперами над рекой Прут, гудел и поскрипывал, перегруженный машинами и орудиями. Близился вечер. Войска томительно мешкотно тянулись через мост на ночлег – на первый привал в чужой враждебной стране, в ее не тронутых войной селах и городах.

Не было таких, кто бы не знал, что эта невзрачная речонка – государственная граница, откуда война началась. Но сейчас усталость, смертельная усталость гнала людей через мост на ночлег. И не много было охотников полюбоваться на этот рубеж. Что в нем особенного: мутная вода обмывает обломки взорванного бетона – только и всего! – играет в скрученной арматуре и резко меняет цвет, уходя в тень под мостом.

На войне и усталость плодит шутников. И сейчас тоже находились балагуры.

– Кто тут в зеленых околышах? Пограничной службе велено оставаться, окапываться! – развлекал людей артиллерист в темной от пота гимнастерке, рысцой трусивший рядом с оружием.

Притиснутый к перилам пожилой солдат раздражительно философствовал:

– Пусть теперь сами понюхают, какая она есть, фатальная.

«Тотальная?» – сообразил младший лейтенант Шустов, осторожно перегонявший на другой берег по скрипучему настилу свою спецмашину.

– Далече ли до Берлина, сестрица? – сострил Шустов, не изменяя твердо выработанной привычке задевать всех встречных девушек.

– Давай, давай! – отозвалась с хрипотцой регулировщица.

Славка Шустов только прищурился, узнав Дашу Лучинину. Ее лицо было нахмурено, обветренные губы потрескались, нежный пушок у розовых ушей казался седым от пыли. Вчерашние румынские солдаты тянулись без оружия восвояси, и Даша беспощадно оттирала их к перилам.

– Стороньтесь же, окаянные! Ваша война кончилась. Ведь сошьет Господь людей! – певуче выругалась регулировщица.

И вся она – в застиранной гимнастерке и узенькой юбчонке, знакомая младшему лейтенанту еще со времен Старобельска, от самого ее родного города, – показалась в эту минуту Шустову такой занятой, со своим хрипатым голоском, что он даже притормозил.

– Эй, гвардии курноса!

Но Даша, не взглянув, яростно отмахнулась флажком.

– Даша, Дашенька...

Только сейчас очнулась регулировщица и наконец увидела Шустова. Она рассмеялась, вспрыгнула на подножку, привычно козырнула.

– Вон куда вас определили!

– А куда, родненькая?

– Обомлеть можно – офицера посадили вместо шофера! Что, напросились?

– Так ведь – на спецмашину, понимать надо.

– Я и то думаю, нынче с полковником кто-то другой ездит, не Шустов, – язвила регулировщица.

В их вздорном препирательстве каждый без ошибки узнал бы поединок фронтового флирта, прерывавшийся на много дней по воле обстоятельств и снова возникавший в любой минутной встрече.

– А тебе, Дашенька, жаль меня? – поддразнивал молодцеватый офицер.

– Ох как жаль. Надолго вас доверия лишили?

– Говори лучше, где повстречаемся? В Бухаресте?

Неделю назад (еще до прорыва немецкой обороны на Днестре, но когда уже начала активно действовать авиация) Шустов примчался вдруг на мотоцикле за Дашей Лучининой. Регулировщица только что сменилась. Шустова она давно знала: лихой и балованный младший лейтенант из контрразведки, состоит при полковнике Ватагине.

– Лезь в «лукошко»! – приказал Шустов.

– А что случилось?

– Парашютиста сбросили! Сейчас возьмем...

– Не врете? А то, смотрите, не жить вам!

И не успела она опомниться, как он прокатил ее километров за двадцать. На шоссе был знакомый Даше загороженный участок со свежеподсыпанной щебенкой – младший лейтенант проехал прямо по осевой линии.

– Какой невыдержанный! – только и успела крикнуть регулировщица.

Эта нечаянная характеристика была как нельзя более меткой. Даша уже раза два с удовольствием попробовала бешеную езду с младшим лейтенантом. Крутой подъем, канава, быстрый разворот на вспаханном поле – дух захватывает! А Шустов еще хохочет. Все ему в шутку! Покажи ржаной сухарь – все равно будет весело.

В тот вечер они отдыхали на краю заросшего противотанкового рва. Младший лейтенант признался, что никакого парашютиста нет и в помине, все он выдумал, чтобы с ней, ненаглядной, побыть. Он вздумал с ходу целоваться, да, видно, грубо получилось – она ударила его по щеке. И вдруг заплакала.

– Что ты! Глупая.

– Знаю вас всех как миленьких.

Слезы его озадачили, но не дольше чем на минуту. Он решил, что заплакала она, потому что он – без подхода.

А в вечерних полях было чисто и приветливо. В небе стоял серп молодого месяца с яркой звездой невдалеке. И Шустов легко перестроился, стал говорить глупости вроде того, будто глаза у Даши гипнотические, отчего все машины и останавливаются перед ней.

Даша улыбнулась и запела тоненько:

Я сидела и мечтала
У открытого окна.
Чернобровая, в лохмотьях,
Ко мне цыганка подошла...

– Что загрустила, Дашенька? Былое и думы?

Даша взглянула на него: перочинным ножом он зачищал бронзовый провод, и медаль на его гимнастерке покачивалась, как маятник.

Подошла, взяла за ручку:
«Дай на ручку погляжу,
Я, что было, то узнаю,
Все, что будет, расскажу...»

Если б знал Шустов все, что стряслось с Дашей... Как проводила маму после бомбежки в больницу, а братишка пристал к войскам, ушел... Не было весточки от отца, сгинувшего в первые месяцы войны. Даша пришла на призывной пункт, просила, чтоб ее взяли. Три ночи она просидела на пороге военкомата. Ее определили в ВАД. Она испугалась. Ей сказали: «ВАД – это военно-автомобильная дорога. Будешь регулировать движение». И это оказалось страшно спервоначала – стоять на степном перекрестке ночью во тьме, освещенной сигнальными раке-

тами. И только, слава богу, так шумела на ветру жесткая плащ-накидка, что ничего не было слышно вокруг...

– Маму вспоминаешь?

Даша промолчала. Он взглянул внимательно. Ничего такого особенного: сероглазая, с розовыми ушками, с ершистыми бровями...

Мог ли он догадаться, какие страшные видения вызывает он своими глупыми расспросами... Когда посыпались бомбы, Даша с мамой зарылись в землю на бахче, а хата затрещала жарким пламенем.

– А от отца весточки получаешь? – допытывался Славка.

– Получаю.

Но Славка и тут ничего не понял. Он заглянул в лицо девушки – из глаз катились слезинки, вразбежку, как попало.

– Где он воюет?

– На Могилевском направлении. Ну, чего пристал?

– Что ты озлилась? Я к тебе с хорошими мыслями.

Но не успел он высказать свои хорошие мысли, как вдруг остановилась перед ними на безлюдном шоссе штабная машина, это нечаянно наткнулся на них Славкин начальник – полковник Ватагин.

– Товарищ младший лейтенант, прошу ко мне!

И так он поговорил с младшим лейтенантом, такая была ему выволочка, что Даша возвращалась на попутных. А Шустов оказался вместо заболевшего шофера на тихоходной спецмашине, на ней не разгуляешься. Придумает же Ватагин такую кару!

Стоя на подножке, Даша заглядывала в глаза Славки Шустова.

– Полковника своего не видели?

– А где он?

– Во-он, на румынском берегу. Умывается... – показала она флажком и, соскочив с подножки, крикнула: – У них, в Европе, с личной гигиеной плохо! Солдаты жалуются: умывальников нету – в тазах полощутся!

Спецмашина грузно съехала с моста в щепу и опилки. Лишь только миновала угроза проколоть на гвоздях покрышки, младший лейтенант просиял; это выражение избегнутой опасности знакомо было всем, кто знал Славку Шустова: оно возникало в его голубых глазах, блеснувших победоносно, хоть и немного наигранно, и мгновенно стирало усталость со впалых щек и худощавого подбородка.

С ведерком в руке подбежал Шустов к знакомому «виллису».

Все-таки свyksя он с полковником, хотя порой и негладко складывались их отношения.

– Товарищ гвардии полковник! Разрешите обратиться, гвардии младший лейтенант Шустов...

Ватагин размашисто протирал красное лицо полотенцем, вернее сказать, пачкал вафельный лоскуток: седые волосы на висках были бурыми от пота и пыли.

– Ну как? Не заскучал?

– Заскучал, товарищ полковник. Ох и бандура же!

– Ладно, доведи до места, а там посмотрим... Вот и Европа. Ты погляди, Шустов, не каждый день государственную границу переходим.

Шустов бросил взгляд по сторонам и сразу понял, о чем думает полковник: вот наконец не на своей земле видим мы исцербленные стены хат, конскую падаль под откосом. Под дамбой лежали завернутые в дерюгу женщина и девочка. У матери маленькое лицо, оскаленные зубы. Лоб у девочки – желтый, как воск. «Наши? Или уже ихние?» – подумал Славка. Он взглянул на Ватагина.

– Бабин прямо с лица спал, наушников не снимает.

– Пусть слушает. Ты ему не мешай.

– Зачем же мешать.

– Знаю тебя: наверно, развлекаешь.

– Мое дело маленькое, я везу, – возразил Шустов, но тут же, подавшись вперед, азартно зашептал: – А что бы это значило: «Пиджак готов! Распух одноглазый?..» Вот так позывной! Во сне не приснится...

– Об этом не здесь, – оборвал полковник. – Тебе во фронтовом ансамбле работать, всю программу бы вел, как раз по твоей разговорчивости.

– Гвоздей небось нахватали, – в свою очередь огрызнулся Шустов, оглядывая покрывающие.

Полковник редко пользовался машиной из гаража разведупра. Под Кривым Рогом весной раздобыли ему новенькую трофейную – «бьюик» с перламутровым щитком, и с тех пор за баранкой находился у него стажер разведшколы Шустов. Полковник любил и сам водить машину и отдыхал за этим занятием. Ну уж зато и расплачивался он за каждую царапину на крыле: Шустов не прощал полковнику любительской небрежности.

– Сегодня ночуем вместе, – сказал Ватагин. – Сверну на край села, ты – за мной. А в три тридцать разбуди. Послушаю.

– Есть разбудить, товарищ полковник! Разрешите следовать?

– Погоди. Посмотри, Шустов.

Они стояли вполоборота к мосту, по которому вступала на Балканы Советская Армия. Минуту уже шесть суток с тех пор, как наши войска прорвали фронт на Днестре.

– Гляди. Запоминай.

Ватагин и сам не мог отвести взгляда от моста, по которому колонны тягачей катили орудия на юго-запад, в чужие страны. В сияющей высоте были невидимые бомбардировщики.

– Регулировщицу видел на мосту?

– Видел. А что, заметно?

Ватагин только загадочно усмехнулся и пошел к машине.

4

– Иван Кириллович... Иван Кириллович, велели разбудить, – шептал в четвертом часу утра Шустов над ухом Ватагина, подавая ему ремень и фуражку.

Шустов любил уставную субординацию и только по ночам, когда приходилось будить начальника, называл его по-домашнему – Иваном Кирилловичем.

Неслышными шагами прошел Ватагин во двор. Светало. Солдаты брали воду из каменного колодца. За деревьями легко было узнать спецмашину: ее полуоткрытая дверь освещена изнутри.

– Концерт начался. Жду, что будет дальше, – сказал Бабин, не отрываясь от приемника.

В фургоне машины было по-ночному душно, сонно. Ватагин надел наушники. Несколько минут сидели молча.

Походная радиостанция внутри напоминала вузовское общежитие: на столе учебники радиотехники, английского языка, чертежи и хлеб. В панель обивки засунуты полотенца, нож, вилка, карандаши. Окна завешены одеялами, плащ-палатками.

– Ничего не слышу, – шепнул Ватагин.

– Тишина – дефект нашего слуха, – отозвался Бабин.

Сутулый, с тощими ногами в просторных кирзовых сапогах, в громадной, не по росту, гимнастерке, Миша Бабин, прикомандированный в отдел к полковнику радист, в назначенные часы по расписанию работ вылезал в эфир на своей волне и стучал, стучал – связывал Ватагина то с «главным хозяйством», то с отдельными «точками» в тылу противника, а потом принимал и записывал в вахтенный журнал и передавал шифровальщикам, ничего, разумеется, не понимая в принятых текстах.

– КВ... 10,15... 48,04... Как вы меня слышите? Перехожу на прием.

Не зная кодов, еще усложнившихся к концу войны, он привык различать своих неизвестных корреспондентов, что называется, по почерку – по стуку морзянки он догадывался, кто находится в трудных обстоятельствах где-то в заболоченном лесу, кто чувствует себя в безопасности в каких-то скалистых пещерах, кто притаился под угрозой разоблачения в большом городе. И ничего другого не было, кроме этой работы. В промежутке между сеансами приема-передач он решал математические задачки или шел на трофейный склад высматривать запасные радиолампы. Когда взяли Одессу, он выпросил у полковника американский приемник «Хаммерлунд» на двадцати трех лампах – его конфисковали у любовницы бежавшего румынского военного прокурора – и от нечего делать лазал по эфиру, силясь разобраться сквозь музыку ширококвещательных станций в писк искровых передатчиков. Из Будапешта передавали «Фауста». Другая волна доносила грустный рефрен французского вальса «Когда умирает любовь». Ленинград транслировал Седьмую симфонию Шостаковича. После многих часов приема Бабин вставал и, шатаясь, как пьяный, выходил подышать свежим воздухом. Южное небо за ночь поворачивалось вокруг антенны, и звезды, знакомые с детства, бледные ярославские звезды, были здесь крупнее и испанисто-романтичнее. Бабин возвращался. Уже в полусне крутил рукоятку точной настройки.

Несколько дней назад какая-то провинциальная ширококвещательная станция после танцевальной музыки передала открытым текстом на немецком языке что-то непонятное:

Hallo, hallo! Ralle, Ralle. Hier Rinne. (Пауза.)

Fünf Hufeisen von einem Pferde...¹

---

¹ Слушай, слушай! Ралле, Ралле. Я Ринне. (Пауза.) Пять подков с одного коня... (нем.)

Подбежав ко второму приемнику, Бабин легко наткнулся и на ответ – кто-то бодро отозвался:

Hallo, hallo! Rinne, Rinne. Hier Ralle. (Пауза.)
Der Rock ist fertig! Einäugiger ist geschwollen...²

За этим последовала еще какая-то фраза. Она-то, по всей видимости, и могла содержать смысл информации.

Мальчишка? Какой-нибудь любитель, балующий от скуки в сонном захолустье? На третью ночь в тот же час Бабин снова поймал странные позывные. И снова загадочный ответ открытым текстом. Он доложил полковнику.

Так было и сегодня.

Между тем желтый свет лампы в колпаке из газеты все слабее окрашивал воздух: наступило то особое мгновение, когда стало заметно предрассветное порозовевшее небо за дверью. Шустов сидел за плечом Ватагина. Полковник слышал его напряженное дыхание.

Вдруг Бабин молча ткнул пальцем в воздух.

– ...пи-ти... пи-ти-пи-ти... ти... пи-ти... – услышал Ватагин и затем: – Кле-кле... кле-кле-кле... кле-кле...

Он понял, что уже промахнулся, это совсем не то, что слушал Бабин. То, что он поймал, было похоже на тоненький клекот индюшат – это морзянка. Где же открытый текст?

Бабин вялым жестом смахнул наушники, протер глаза, вынул из ящика стола початок вареной кукурузы и задумчиво принялся жевать.

– Вот и все, товарищ полковник.

– А я опять пропустил. Что нового в тексте?

– Непонятно. По-немецки *Warne vor Unglück*. Остерегайтесь беды – так, кажется. Утром уточню по словарю.

– Надо бы знать, откуда передают.

– Кто их знает... Если примут на правом фланге – пропеленгуют.

– Вот и лови. Разговаривают по ночам, семь-восемь секунд. Ну как поймаешь! Мне нужно хотя бы сорок секунд.

– Ну что ты канючишь! – оборвал Славка Шустов.

Ватагин нахмурился: он знал, что Шустов завидует любому оперативному работнику и именно поэтому не прощает и Бабин у его тоскливой рассудительности.

– Что ж, сеанс окончен? – спросил полковник и встал, потягиваясь.

– Я и начальнику шифрслужбы докладывал; но он тоже ничего не видит утешительного, – жаловался Миша. – Эти подковы с одного коня...

– Подковы, подковы... – вздохнул полковник и вдруг все обратил в шутку: – Что ж, как раз по сезону! Бегут на всех фронтах – вот им и нужно получше подковаться. Верно, Шустов?

Шустов промолчал. Он-то прекрасно понимал, что полковнику не до шуток.

Ватагин стал вылезать из фургона. Часовой поддержал его под руку. Из-под деревьев уже тянуло дымом солдатских костров. Сержант-усач, сидя на задке подводы, стругал брынзу в котелок. Распряженная лошадь черной губой трогала куст лимонных георгин. В этот рассветный час во дворе все казалось таким мирным, как будто солдаты уже возвращаются по домам. И особенно привольно звучал чей-то тенорок:

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла...

---

² Слушай, слушай! Ринне, Ринне. Я Ралле. (Пауза.) Пиджак готов! Распух одноглазый... (нем.)

Видно, и этот певец, как и многие в те дни, думал: «Коли перешли рубеж – значит, и конец близок».

Но Ватагину, пока он шел по двору, было не по себе: знать, что где-то во вражеском тылу, может быть, на чердаке заурядной табачной лавки, сидят молодчики, готовые на все, – и не иметь возможности до них добраться! Переговариваются. О чем же, позволительно спросить? В последние недели эфир буквально клокочет – ведут передачи англичане и немцы, четники и партизаны, легионеры и посольства, подводные лодки и самолеты. Сводки радиоперехватов систематизируются ежечасно. Штаб требует: «Примите меры к уточнению». Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Правда, Ватагин держит одну нить: друзья из Болгарии сообщили, что в Софии, в здании германского посольства, работает, по их сведениям, тайная радиостанция. Это уже похоже на дело. Известно, что английская разведка год назад нащупала нечто подобное в Ирландии: там, в Дублине, с чердака своей миссии немцы руководили по радио операциями подводных лодок в Атлантике. Это понятно. Остается расшифровать, о чем же хлопочут гитлеровцы здесь, на Балканах, в дни бегства? *Warne vor Unglück* – остерегайтесь беды. Что это значит?

5

Шустов досадовал на толстокожего Бабина, тот, видно, решил спать всю дорогу. Бабин очнулся от рывка машины и, зевнув, заметил:

– Несерьезный человек наш полковник.

– Не может быть! Это тебе в Военном совете сообщили?

– Нет, я сам вижу. Все он шутит, шутит.

– А если без шуток, то лучше голову под мышкой носить. Все умные люди шутят. Даже Маркс.

– Или капитан Цаголов?

Шустов промолчал, только прибавил газу. Со стороны Бабина – это особый способ уязвления. Кроме полковника Славка действительно был влюблен в капитана Цаголова – щеголеватого горца, попавшего в разведку из моряков и мечтавшего вернуться на флот.

– Серьезному человеку шутить незачем, – философствовал Бабин. – Так работать трудно.

– Мне вот легко.

– Ты стажер. Это не работа.

Можно ли больнее хлестнуть по самолюбию? Шустов надолго замолчал, покачиваясь и вперившись взглядом в набегающее полотно гудрона.

Уже за Дунаем, в Добрудже, Шустов тормознул, распахнул дверку: отставший от роты солдат просился подвезти.

– Ты что, пехота? Сто верст отмахал, еще охота? – подтрунил Шустов над пешим человеком, но, видимо, нарочно, чтобы стеснить Бабина, пустил солдата третьим в кабину.

Бабин помалкивал. Тут он весь – Шустов: огорошит человека, потом пожалеет.

Как будто забыв о присутствии радиста, Шустов разговаривал с солдатом, но все, что ни говорил он, относилось только к Мише Бабину. Сколько тут было язвительных намеков!

– ...Видите ли, дорогой товарищ, всякая задача оказывается проста после того, как вам ее растолкуют. (Это намек на то, что Бабин ждет ключа от шифрослужбы.)

– ...Видите ли, гвардии попутчик, в разведке надо иметь воображение ребенка и терпение ученого. (Это намек на мнимую тупость Бабина.)

Все било в цель! Бабин даже зашевелился, на радость Славке.

Между тем они дружили.

Дружба их началась еще в забитых снегами донских хуторах. В танковом корпусе Славка Шустов был сержантом, мотоциклистом в группе связи, а Миша Бабин, как и теперь, был рядовым. В глубоком рейде по тылам противника Бабин отличился как блестящий коротковолновик и знаток немецкого языка. Его стали ценить, только с воинской выправкой у него не получалось: козыряя, он нелепо подпрыгивал, и звали его в роте – «радкосыч». Щеки его зарастали белым пухом. Длинные ноги всегда аккуратно обернуты обмотками. Страдая флюсами, он часто подвязывал щеку. Часто бывал задумчив, самоуглублен.

Шустов однажды под веселую руку заметил, что радист здорово смахивает на фигуру с известного плаката «Разгром немцев под Москвой». Все развеселились.

И ничего бы, да тут записной остряк Савушкин решил уточнить – обозвал Бабина фрицем. Миша покраснел, не зная, как ответить. Шустов покраснел тоже: чувство справедливости, горячее, почти детское, заставило его пережить чужую обиду, как собственную. Первым движением души было желание турнуть Савушкина за порог, но Шустов сдержался. Ехидно наклонив набок чубатую голову, он сказал лысому толстяку:

– Чижик (это было сказано очень нежно), может быть, вы извинитесь перед товарищем Бабиным?

– А чего мне извиняться? – возразил Савушкин, заметно побаивавшийся Шустова. – Ты сам про плакат вспомнил.

– Да, но кто тут произнес иностранное имя?

– За иностранное имя могу извиниться. Подумаешь...

Славка наставительно заключил:

– Теперь порядок. Можете продолжать свои занятия. Жуйте воблочку.

Тогда-то и зародилась их дружба.

Шустов в ту пору щеголял в куртке-кирзовке (на черных петлицах – эмблема: танки), на боку – планшет и финский нож с янтарной рукояткой. И был у него трофейный аккордеон, на котором готической вязью на перламутре было начертано: «Адмирал Соло». Славка нашел его в разгромленной немецкой автоколонне, долго не мог научиться играть даже самые пустяковые мелодии и однажды сунул своего «адмирала» девчатам в санитарную машину. «Нет у меня слуха, везите его от меня подальше!»

Был он шумный, озороватый и, в общем, отважный парень. Один раз, когда горела станция и трудно было в столбах пламени провести автоколонну, а кругом сугробы, не объедешь, – Шустов первый показал дорогу шоферам сквозь огонь. И когда один мальчик, из хуторских, подорвался на mine, Бабин сам видел, как Славка подошел к нему, осмотрел его вытянутые, залитые кровью ручки, усадил в коляску своего мотоцикла и под шрапнельным обстрелом вывез по степному грейдеру в тыл, к медсанбатовским хирургам.

С кем и дружить на фронте, если не с таким человеком! Не стеснясь, Бабин признался Славке в том, что вся душа его осталась дома, в Ярославле, где ждут его важные дела, и он опасается, как бы после войны не задержали его в армии. В этой дальновидности Славка усмотрел весь его характер: педантичный и достаточно себялюбивый. С изумлением Шустов вглядывался в человека, который еще в донской степи предвидит последствия грядущей победы и больше смерти опасается старшинских лычек.

Вскорости Шустов был откомандирован в глубокий тыл – Бабин смутно догадывался, что он попал в разведшколу. В самый раз – по характеру! Прошло полгода, превратности войны снова свели их уже в разведуправлении фронта. Производство в младшие лейтенанты не отдало Шустова от Бабина. Миша оценил это по достоинству.

Славку с его неукротимым интересом ко всему, с чем он соприкасался, привлекала в Мише его серьезная отзывчивость. Однажды он рассказал Мише, что держал экзамен в студию Театра имени Вахтангова и провалился, потому что дикция никуда не годится: будучи москвичом, он все шипящие произносит, как одессит, смягченно – «на позицию девушка прово-ж-жяла бойца»... Но Миша ничуть не посмеялся, а, наоборот, долго рассказывал, что где-то читал, будто народный артист Певцов был даже заикой, и, однако, ничего: сумел преодолеть это на сцене.

Да, что касалось начитанности и вообще образования, тут Шустов отстал от Бабина: тот еще до войны заочно учился в институте связи и на фронте не расставался с учебником радиотехники, изучал языки и даже чертил, «чтобы не разучиться», а у Шустова не было позади даже десятилетки.

В эти дни на Днестре, когда друзья оказались вместе, Шустов поделился своей надеждой: после войны не расставаться с полковником Ватагиным.

– Тяжело с ним работать. Он все загадками говорит, – заметил Бабин.

– Так ты догадывайся. На что нам голова дана?

– Да он больно хитро загадывает. Непонятно. Темнит просто.

– А я всегда понимаю, – упрямо повторял Славка.

Он не умел объяснить Бабину, что понимает полковника потому, что любит его и с чуткостью любящего человека угадывает его мысли и настроения.

Не многим было на войне так трудно, как Мише Бабину. На редкость аккуратный для своего возраста, он никак не мог привыкнуть к бестолочи, неразберихе, которые, с его педантичной точки зрения, и составляли сущность фронтового быта. Он нес радиовахту добросовестно. Но сутолока войны была ему непонятна, и он, молодой и здоровый парень, уставал больше других, всегда казался угнетенным.

Мама была краевед, а папа – один из самых популярных людей в городе, лучший врач. Может быть, поэтому Миша хотел всегда жить в Ярославле. Он высмеял бы каждого, кто бы сказал, что он мечтатель, – однако наедине с собой строил самые фантастические планы, связанные с будущим величием Ярославля.

И над всеми этими заветными мечтами и туманными Мишиными соображениями потешался в этот день на чужбине в добруджинских песках лучший друг – Шустов. Он знал, чем допечь флегматика за оскорбление.

– ...Видите ли, служивый, – разговаривал Шустов с солдатом, искоса взглядывая на Бабина, – встречаются на фронте и такие, которые даже старшинские лычки боятся заработать: как бы их в армии лишний час не задержали после победы.

Пыль застлала дороги Добруджи. Спецмашину, как ни хитрил Шустов, затерла артиллерия главного командования, а ведь известно, что для виртуозной езды на военно-полевых дорогах нет хуже помехи, чем артиллерия на марше. Сквозь облака пыли Шустов ловил силуэт впереди идущего орудия. Пыль скрипела на зубах. В пылевых завесах маячили артиллеристы-сигнальщики с флажками:

- По местам.
- Мотор.
- Марш!

6

Шестого сентября в Софии началась забастовка трамвайщиков и рабочих железнодорожных мастерских. Демонстранты заполнили улицы. Полиция стреляла. Сыпались стекла трамвайных вагонов. На кладбище народ возлагал венки на могилы казненных, шли митинги.

Еще день – и повсюду на улицах столицы заколыхались красные полотнища: «Долой фашистскую диктатуру!», «Да здравствует Отечественный фронт!»

В германском посольстве никто из служащих не расходился по домам. Было известно, что господин посол, фанатически верующий лютеранин, ночью «получал наставления Божьей Матери», а супруга посла собственноручно заколачивала ящики для отправки в Германию (чтобы не стучать громко, молоток был обернут в тряпку). Как всегда бывает накануне катастрофы, чиновники, вчера еще гордые своими званиями, связями, унижительно склонничали. Будущее для них уже переставало существовать, наедине с прошлым оставаться было страшно. Посольская мелочь – адъютанты из общего отдела, офицеры-переводчики – одни продолжали гнуть спины над бумагами, лишь отодвинув столы подальше от окон; другие находились в состоянии как бы некоего опьянения; третьи спекулировали чем попало.

Советские войска вышли на Дунай и со дня на день должны были перейти болгарскую границу. Народная революция придвинулась вплотную к богемским стеклам посольского особняка. Берлин давал взаимоисключающие распоряжения. Персонал посольства привычно отбывал присутственные часы, потому что великая империя еще пряла свою пряжу. Однако нити рвались каждую минуту: фельдъегерская служба, авиасвязь, наконец, телефон начинали отказывать. И когда это понял господин посол, он сообразил и то, что немцы в Софии предоставлены самим себе, своим благоразумным решениям.

Впервые господин посол покинул здание в несколько необычном виде: в смокинге и с автоматом в руке, спрятанным под ангорским пледом. В ближайшем переулке посол приказал шоферу снять с машины нацистский выпел. Пока пробивались к царскому дворцу, они видели, как народ разоружает полицию. Слышалось пение Интернационала. В окно машины заглянула самодельная кукла, подвешенная на палке, и господин посол смог убедиться, что чучело очень похоже на фюрера.

Во дворце была паника, как и в посольстве.

– Вам удалось проехать? И невредимо? – спросил посла Германии министр иностранных дел.

Они сидели в креслах, прислушиваясь к отдаленному гулу уличной манифестации.

– Тревожные подробности, господин посол.

– Что делать! Наши войска отступают из Румынии. Планомерный отход.

– Планомерный? По планам, составленным в Москве?

Посол облизнул губы. Никогда с чрезвычайным представителем фюрера в Болгарии не говорили так дерзко.

– Прислушайтесь, – продолжал министр, – этот сброд создает общественный строй, угодный ему. Как говорят историки: «Народ решает вековые вопросы».

Тревога поселилась в покоях царского дворца. Какая-то женщина с испуганными глазами (послу показалось, что это княгиня Евдокия) заглядывала в дверь, пока министр с беспримерной откровенностью сообщал германскому послу о том, что, ввиду чрезвычайности событий, правительство Болгарии сочло нужным отправить своих делегатов в Каир – к англичанам, в штаб-квартиру фельдмаршала Александера.

– До этого дня никто не отваживался известить вас об этом, господин посол. Но теперь, надеюсь, и вам ясно: революцию в Болгарии может предотвратить только энергичное вмеша-

тельство Запада. Британские лидеры отлично понимают, что социальная катастрофа на Балканах ставит под удар гегемонию Англии на Средиземном море.

Руки немца отстучали на ручке кресла какую-то мелодию, пока он выслушивал немисливо наглые заявления болгарина. Министру не мешало бы поторапливаться, как и всем во дворце, но он не мог отказать себе в удовольствии унижить фамильярной откровенностью своего вчерашнего хозяина. И долго еще болгарский фашист рассказывал немецкому о возможном «греческом варианте» событий – там, в Греции, англичане уже ведут бои с партизанами, которые четыре года сопротивлялись немцам; американское оружие поддерживает монархистов; он рассказывал о том, что румынский король тоже направил в Каир секретную миссию: князя Барбу Штирбея и Константина Вишоюну. Германскому послу пришлось все это выслушать прежде, чем болгарский министр соблаговолил приблизиться к цели аудиенции и заверил его в том, что, храня свою верность великой Германии, он дает дипломатическому корпусу гарантии безопасной эвакуации – предоставляет поезд до турецкой границы, полномочного чиновника и соблюдение тайны.

Посол встал и стоя поблагодарил.

– Все ли уедут с этим поездом? – осведомился министр.

– Может быть, один-два второстепенных сотрудника задержатся на несколько дней. Личные дела требуют времени для ликвидации. Все-таки пожил у вас.

Сопровождаемый начальником протокольного отдела, посол шел по дворцовым анфиладам, когда мимо него прокатили бочонок.

– Что за бочонок?

– Это вам подарок от царицы Иоанны. Розовое масло.

В том душевном состоянии, в каком пребывал посол, он понял не сразу, что именно этот крестьянский бочонок с буковой затычкой, грохочущий по навощенным паркетам дворцовых апартаментов, убедил его в том, что медлить нельзя.

И с этой минуты планомерная эвакуация из Софии гитлеровских дипломатов превратилась в паническое бегство.

Не прошло и часу – стража, охранявшая посольские ворота, увидела, как сам посол Германской империи бежит, спотыкаясь, к автомобилю. За ним два рослых эсэсовца катили по асфальту бочонок.

7

На рассвете следующего дня невдалеке от турецкой границы был задержан на полустанке поезд из пяти игрушечных вагонов, какие курсируют только на пригородных линиях.

Подпоручик Атанас Георгиев еще ночью арестовал путевого начальника. Два стрелочника забросали колею шпалами. Несколько поодаль старый виноградарь Иван Севлиев с детьми ночью, при звездах, разобрал ограду своего поля и завалил путь камнями. Тридцать солдат пограничной заставы, вооруженных немецкими автоматами, наскоро отрыли на путях одиночные окопы. Железнодорожники установили связь по телефонному селектору с Софией, и всю ночь подпоручик оставался с двумя путейцами в дежурной каморке у аппарата.

Поезд прошел беспрепятственно до самого завала. Но тут началась перепалка. Двое (впоследствии оказалось: помощник военного атташе фон Гюльзен и итальянский майор Грациа) открыли с паровозного тендера стрельбу из автоматов.

Болгары дали залп по окнам. Автоматные очереди и звон стекол смешались с немецкой, итальянской, венгерской бранью и ни с чем не схожими японскими проклятиями.

Затем стрельба прекратилась.

Знойный полдень застал всех на своих местах. Труп советника посольства лежал на рельсах у вагона. Мирный паровозик, попавший в переделку, пускал пары в тени старой сливы всего лишь в десяти шагах от семафора, увитого до самого верха виноградной лозой.

Дожидаясь у селектора распоряжений главного штаба Народно-освободительной армии, подпоручик Атанас Георгиев почувствовал знакомые признаки малярийного озноба. Он распахнул дверь диспетчерской, чтобы в дежурку дохнуло зноем. Так и стоял в открытой двери этот хмурый человек с лимонно-смуглым лицом, поглядывая на ненавистную ему публику из той вражеской своры, которая объела все виноградники, отряхнула все вишни и яблони его маленькой Родины и заставила молодых женщин уйти в погреб, подальше от дневного света.

Никогда раньше подпоручик Георгиев не видел партизан, но сейчас без страха ждал их возможного появления. Он не любил германофильски настроенных чиновников и маленьких политиков глухой провинции. В сущности, подпоручик был не военным, а сельским человеком. Его сослуживцы по армии отдавали своих детей: одни – в немецкие, другие – во французские колледжи. Атанас любил Россию. Любить Россию с детства учили его книжки Вазова, Каравелова, Ботева, и память о дяде-коммунисте, эмигрировавшем после восстания 1923 года в далекую Аргентину, и та ополченская медаль, которую в детстве видел Атанас на груди деда, участника Русско-турецкой войны. Когда-то мать рассказала Атанасу историю о том, как в ту освободительную войну умер в Казанлыке русский офицер; его похоронили в новом мундире, а в старом бабка нашла в кармане ореховую шкатулку и в ней кусочек дерева – от «Креста Господня». И эта шкатулка русского офицера, погибшего от ран на болгарской земле, хранилась в крестьянской семье как святыня и тоже связывала душу Атанаса с Россией. Так всегда было: враги Болгарии – враги России. И подпоручик Георгиев, хмураясь от малярийного озноба, спокойно ждал у дверей диспетчерской. Он ждал друзей Родины: болгарских партизан, русских солдат, ждал теперь и дядю из Аргентины, хотя черты его доброго лица давно стерлись в памяти Атанаса.

К полудню дипломаты осмелели: они выползли на перрон. Костлявый немец зонтиком загонял в купе своих отпрысков, выскочивших из вагона поиграть в серсо. Два итальянца в одинаковых спортивных костюмах убеждали румынскую секретаршу в лиловой пижаме пешком идти в Турцию. Финский атташе, тоже показавшийся на площадке, злобно плевался виноградными косточками. Общее внимание привлек глава дипломатического корпуса. С белым платком в правой руке и тростью в левой он медленно приближался к Атанасу Георгиеву.

Подпоручик выслушал гитлеровца, облокотясь о дверной косяк.

– Я категорически требую немедленного пропуска через границу... – в повышенном тоне настаивал посол.

– Не будет.

– Я протестую. Я – персона грата.

– Говорите по-болгарски.

– Я требую телефонной связи.

– С кем вы хотите говорить?

– С генерал-лейтенантом Миховым.

– Еще с кем?

– С князем Кириллом.

– Еще?

– С царицей Иоанной!

– Я могу вас связать с путевым обходчиком Радко Данчевым. Он сидит у аппарата в Софии, – хмуро сказал подпоручик.

Посол вращал глазами, мешал болгарские слова с немецкими и тыкал тростью с серебряным набалдашником в сторону зеленых холмов. Они темнели в знойной дымке над бархатно-мшистой черепицей болгарского села. Эти холмы находились по ту сторону границы, в Турции.

Толпа путевых рабочих и крестьян-виноградарей подходила с красными полотнищами к перрону. Впереди, со знаменем в руках, шел уважаемый учитель Никола Цвятков, вчера освобожденный из темницы. Рядом – его товарищ по камере Радко Чолаков, седой старик, не снявший тюремного халата. Он шел и потрясал бледным кулаком.

Посол направился к вагону. Трость выпала из его руки, он поднял и побежал.

В толпе раздались голоса:

– Кровь за кровь! Смерть фашистам! Пусть ответят за все!

Подпоручик Георгиев хмурился, но не от какой-либо внешней причины, а от малярийного озноба, который морозно окатывал его в знойный полдень. День же был необыкновенный, единственный в жизни. По селектору софийские товарищи сообщили, что советские танки форсировали Дунай и приближаются к Варне. В столице население – на улицах. Девятое сентября будет великим днем Болгарии. Какой-то неизвестный друг передал по селектору слух, разнесшийся по столице: Георгий Димитров в Болгарии. Этим героическим человеком гордилась страна. «Что делать с господами хорошими? – размышлял подпоручик. – Ясно, что они готовят вылазку, чтобы пробиться в Турцию, и ночью все может случиться».

Через несколько минут полустанок опустел.

Отобрав пятерых самых отчаянных пограничников, Атанас Георгиев ворвался с ними в вагон.

– Руки вверх!

Подпоручик решительно вступил в коридор, раскаленный в послеобеденный час. Он заглянул в купе, дверь которого прихлопнул за собой посол. Стоя спиной к двери, жена посла что-то прикрывала под столиком. Подпоручик отстранил немку и увидел бочонок.

– Что это?

Приторный запах, напомнивший благоухание цветущих роз, показался знакомым болгарину. Посол Германии плыл перед воспаленным взглядом Атанаса Георгиева в облачке тонкого розового запаха.

– Откуда бочонок? – задохнувшись, спросил подпоручик.

– Вы забываетесь, офицер! Это подарок царицы!

Атанас Георгиев родился и вырос в Казанлыкской долине – в долине розовых плантаций. С матерью и сестрами он каждое лето собирал лепестки с маленьких тернистых кустов. Однажды отец повел его в Казанлык, на фабрику, где в тесных каморах старых цехов выдав-

ливался из розовых лепестков, капля за каплей, дорогой экстракт – тот, что примешивается к лучшим парижским духам... Это был трудовой пот крестьянской семьи, только тут он благоухал. В родительской спальне, за образами, хранился флакончик с урожаем – все достояние отца. Каждая ложечка розового масла стоила половину офицерского жалованья подпоручика.

– Подарок царицы? – отдельно произнес Атанас и вдруг разразился безобразным турецким ругательством. – Розовое масло?..

Он взял немца обеими руками за крахмальный пластрон рубашки и потряс, как тряс однажды на казанлыкском базаре вора, укравшего у вдовы Марийки корзину слив. Затем, набравшись терпения, подпоручик Георгиев подождал, пока посол трясущимися руками привел себя в порядок, и приказал солдатам начать изъятие документов.

– Всю бумагу... Всю! До листка...

Через час Атанас Георгиев с сухим пылающим лицом, шатаясь от жара, прошел по путям на виду у всех пяти вагонов. Следом за подпоручиком солдаты провезли на тачке посольскую переписку.

Солнце садилось за зелеными холмами.

Остаток вечера подпоручик провел в селе, в своей квартире, выложив пистолет на стол. Восемнадцать посольских баулов, аккуратно сложенных у стены, занимали чуть ли не полкомнаты. Хозяйка дома, старая Костадинка, напоила больного крепким чаем. Его трясло.

Изредка с полустанка приходили солдаты, железнодорожники, а то и крестьяне – доложить о происходящем. Тревога сквозила в словах связных: поезд как будто вымер.

Наступала темная южная ночь.

8

Как раз в это время полковник Ватагин и майор Котелков были вызваны в один из домов на окраине придунайского румынского городка. Здесь, в надежно оцепленных переулках, со вчерашнего утра разместилось разведуправление фронта со всеми его отделами и отделениями, радиоузлом, шифровальным бюро, гаражом и другими вспомогательными службами. Когда они тихонько вошли, докладывал у карты начальник ветеринарного управления Амвросиев. Это было так неожиданно, что, усаживаясь в дальнем уголку, они даже переглянулись.

Сухощавый и бледный генерал Амвросиев показывал прутиком на карте, повешенной на стене, очаги распространения сапа, с которым встретились на пути наступления конные обозы. Сорок лошадей пало в течение последних двух дней. Все признаки злокачественного заболевания: язвы на губах, истечения из носа, короткое сопящее дыхание... А в изоляторах фронта находится еще более двухсот лошадей, положительно отреагировавших на маллеиновую прививку.

По тому, как шел обмен мнений, полковник Ватагин понял, что командование встревожено. Как бы ни была механизирована боевая техника армий, обозы есть обозы. На войне нет мелочей, все взаимодействует. В условиях массового передвижения обозов и большой скученности конного парка, особенно на переправах, любая эпизоотия угрожала замедлить темпы преследования разгромленного противника.

Начальник ветеринарного управления заметно струхнул и, кажется, о чем-то важном недоговаривал, видно, не решался. Главный ветеринарный врач, полковник Джанкой, brave старик с жесткой, как скребница, щеткой рыжей шевелюры, когда ему дали слово, высказался определеннее:

– Подозреваем диверсию противника!

С этой минуты Ватагин и Котелков поняли, что они не зря вызваны. Все возможно... Войска недавно прошли Украину, где гитлеровцы, отступая, сумели оставить за собой повальную чуму домашней птицы.

– А вы как думаете? – спросил начальник разведуправления Амвросиева.

И на такой прямой вопрос тот ответил уклончиво:

– Все может быть. И все-таки даже в учебниках сказано: именно на Балканах, да еще в Турции, всегда наблюдается сильное распространение сапа лошадей. Что ж удивительного...

– Однако там же можно прочитать, что на Балканах господствует скрытая, хроническая форма заболевания, – энергично возразил полковник Джанкой. – А мы наблюдаем острейшие формы, как будто в кормушки подсыпаны целые пригоршни сапных палочек!

– Что ж, большая скученность поголовья... – не очень убежденно твердил свое генерал Амвросиев и снова успокоительно цитировал справочники: – В тысяча девятьсот двадцать шестом году, например, в одной Болгарии было зарегистрировано четыре тысячи двести сорок четыре сапных лошадей. Однако никто не подозревал диверсию...

– Вы наших чекистов не разоружайте, – устало вмешался начальник разведуправления. – Если верна кавалерийская поговорка, что «человек делает коня», то человек и сап может сделать. Не так ли? Полковник Ватагин уже, наверно, кое-что намотал на ус.

И все заулыбались, поглядывая на сидевшего в углу с виду неторопливого, мешковатого, задумчивого полковника.

Второй вопрос, обсуждавшийся в эту ночь, касался непосредственно Ватагина и Котелкова, и, когда ветеринарное начальство покинуло комнату, им кратко объяснили суть дела. Друзья из Болгарии только что сообщили по радио, что фашистские дипломаты уже бежали из Софии в специальном поезде в направлении турецкой границы и там, на полустанке, задержаны крестьянами и пограничниками. Активно действует некто Атанас Георгиев, подпоручик.

Он уже разоружил фашистов, солдаты перетащили к нему на квартиру все посольские архивы и канцелярию, он просит помощи. Дело ясное: нужно отправить десант. Болгары обещают приготовить посадочную площадку.

– Это надо сделать. И чем быстрее, тем лучше, – подвел черту генерал. – Значит, решено? И разговор снова перешел на дела ветеринарные.

Ватагин не участвовал в спорах. Вдруг в памяти его возникла немецкая позывная: «Фюнф хуфайзен фон айнем пферде». Так неожиданно вспомнилась в разговоре о сапе эта загадочная фраза о пяти подковах с одного коня, что полковник тут же зашептал об этом на ухо Котелкову.

Тот выслушал и улыбнулся.

– Ждите! Так они и раскроют вам в условной позывной суть диверсии. Дети, что ли?

– Да, это верно. Однако забавное совпадение.

В ожидании полковника Шустов во дворе болтал под стук движка с генеральским адъютантом. Оба понимали, что их начальники, наверно, обсуждают серьезное задание, но об этом не принято было говорить.

– Что-то твой похудел, – заметил генеральский адъютант о Ватагине.

– Езды много. А «виллис» кого не растрясет, – уклончиво сказал Шустов.

Не хотелось признаться, что только вчера он вернулся к полковнику. Он и сам обратил внимание на то, как тот осунулся в дни наступления. Со слов Ватагина он знал, сколько было у него работы. За Днестром к нему привели многих «старых знакомых». Их след тянулся от Пятигорска, от Павлограда, от Николаева. Полковник допрашивал ночью и днем где придется: в погребках, в тени танков, в густой кукурузе. Шустов выслушал все это с завистью – вот каких впечатлений он лишился, пока возил фургон с унылым Бабиным. Сейчас в разговоре с генеральским адъютантом не хотелось беречь свою обиду.

– Писем давно нету, – заметил собеседник.

– Полевая почта отстала.

И они окончательно умолкли, задумавшись каждый о своем под ночной стук движка.

Ватагин подошел к машине внезапно. Срочно послал Шустова с майором Котелковым в батальон.

– Знаешь, где искать? На обратном пути прихватите Бабина. И – сюда!

Мишу Бабина пришлось расталкивать: он спал, как сурок. Шустов мчал машину по сонному городку. Котелков сидел рядом. Бабин терпеливо мотался на заднем сиденье.

– Что бы все это значило, товарищ гвардии майор? – спросил Шустов, как обычно, с подходцем.

– Что-нибудь да значит, – бодро ответил Котелков. – Мы здесь – не просо воробьям давать.

Шустов вспыхнул, но промолчал. Когда же наконец майор научится с ним разговаривать по-человечески! Впрочем, он со всеми такой – плохо воспитанный человек, держится высокомерно, командует. Смелый до чертиков, это точно, а действует нахально. Полковник верно однажды о нем отозвался: «Высади его с десантом хоть на луне, он только гаркнет на хлопцев: “Мы здесь – не просо воробьям давать! За мной!” Никакого интереса к обстановке. Политически незрелый товарищ...» И хоть бы раз майор Котелков взял с собой в операцию Славку Шустова. Этого не было никогда.

– Товарищ майор... – просительным тоном снова начал Шустов.

Котелков грубо хмыкнул:

– Слушайте, Шустов, ведите машину и помалкивайте. И не просите – не будет. Еще молоко на губах не обсохло.

– Вам так кажется, товарищ майор? – вежливо переспросил Шустов и сильно встряхнул машину на повороте.

В эту минуту он ненавидел Котелкова.

Не прошло часу, и Славке Шустову все стало ясно: Котелков возглавляет опергруппу, воздушный десант в глубоком тылу противника. Летят на двух Ли-2 даже без прикрытия: ради полной конспирации. Головным идет вызванный из ВВС летчик Колдунов – бесстрашный Колдун, сделавший когда-то двести ночных полетов в осажденный Севастополь. С Котелковым – тридцать ребят с автоматами, два отряда. Во главе второго – капитан Цаголов.

За час Шустов трижды побывал на аэродроме: то подвозил Ватагина и Котелкова, то Мишу Бабина с радиопередатчиком. Миша тоже летит. Полковник настоял на отправке Бабина: может быть, захватим ту, софийскую, радиостанцию, тогда радист пригодится – устроить ловушку. Бабин кивал головой, соглашался, но ясно было, что все это ему не очень по душе: в такой операции раз плюнуть старшинские лычки заработать.

Давно не чувствовал себя Шустов таким униженным. Ненавистный Котелков забыл о нем. Гордость запрещала Славе попросить полковника. И он сидел в машине, нахохлившись, мрачно поглядывая по сторонам. Обидно было, что Миша Бабин летит, а он, Шустов, только возит.

Все же, поборов недоброе чувство, Шустов догнал Мишу у самолета. Вспомнил: летит, чудак, без свитера. А в воздухе будет холодно, лейтенанты – вон как одеты.

– Где он у тебя? В чемодане? Я враз за ним смотаюсь. Замерзнешь!

– Спасибо, Слава. Не надо.

Все распри забыты, и Бабин это ценит. Славка – настоящий товарищ, и жаль, что его не берут. Бабин ведь слышал, как Шустов просил майора Котелкова взять его с собой в десант, хотя бы на помощь радисту: аппарат таскать. Котелков отрывисто рассмеялся: «Бодливой корове бог рог не дает». И успокоил: «Вы полковнику понадобятся, тут не заскучаешь».

Лейтенанты поспешно докуривали, прежде чем войти в самолет. Шустов с завистью наблюдал, как Ватагин пожимает руки Котелкову, Цаголову. А Колдуну сказал что-то, чего Слава не расслышал.

Десантники с автоматами взбегали по лесенке.

Шустов постеснялся поцеловать Бабина, только сунул ему зачем-то кожаные перчатки и финку с янтарной рукоятью. Миша был бледен, может быть, из-за ночного холода.

Две тяжелые птицы, нехотя поворачиваясь, нагоняя ветер, пошли вперевалку набирать скорость по выгоревшей траве, потом оторвались от взлетного поля и взяли курс на юг.

Ватагин и Славка молча возвращались с аэродрома. Лишь у квартиры полковника, когда младший лейтенант остановил машину, Ватагин посмотрел, улыбнулся:

– Ты на судьбу не жалуйся, Слава. Иди спать, отдыхай.

Откуда он догадался о том разговоре, который был у Шустова с Котелковым?

9

Поздно ночью над болгарским селом раздался тяжелый гул моторов. Было ясно, что летит самолет. Но чей? Если американский, то будет бомбить. А что, если немецкий, на выручку своим? Тогда сражаться насмерть! Во всех дворах взхлеб надрывались собаки. По кирпичным ступеням в погреба бежали женщины и дети.

Два самолета делали круги над селом и вдруг доверчиво засветили бортовыми окнами.

– Русские летят! Ай да руснаки!

Сотни болгар, обгоняя друг друга, устремились на широкий луг. Самолет шел на посадку по свету костров, наскоро разложенных пастухами. Тяжко подпрыгнув, он наконец остановился. В свете костров было видно, как выскочил офицер, за ним посыпались другие – много их, и у всех в руках автоматы.

– Отставить оружие! – скомандовал советский офицер не то болгарам, бежавшим прямо на него, не то своим парням, стоявшим сзади. – Здравствуйте, братья болгары!

Прошло не менее пяти минут, пока десант пробивался сквозь руки, протянутые для объятий. Отовсюду раздавались по-славянски щедрые возгласы:

– Добре дошли, братушки!

– Да живее Москва!

В толпе слышался злой голос майора:

– Колдунов, береги самолет! Черт... Изломают в щепу!

Миша Бабин видел из двери самолета, как отбивался от крестьян майор Котелков. Каждая минута, сбереженная для броска, решала успех операции.

– Цепью! Вперед!

Котелков обернулся:

– Радист, за мною!

Рядом с Котелковым бежал учитель Никола Цвятков:

– Вы не тревожьтесь, господин офицер.

Но Котелков не удостоил его вниманием.

Навстречу от полустанка бежали пограничники.

– Где начальник заставы? – крикнул издали Котелков.

– Он отдыхает, господин офицер.

– Отдыхать в могиле будем – понятно?

– Его трясет малярия, господин офицер. Да здоровствует Отечественный фронт!

– Меньше слов, больше дела... – огрызнулся майор.

Котелков знал главное: все решает внезапность. Еще в воздухе он решил немедленно отстранить болгар. Теперь пограничники с их офицерами показались ему совсем не внушающими доверия. Проще – без них! Пусть Цаголов выбросит засаду в сторону турецкой границы. Ворваться в вагоны – порядочек!

По одному перебежали автоматчики железнодорожное полотно, накапливаясь на полустанке. Из окопа высунулся болгарский подофицер Славчев.

– Где же ваш подпоручик? – с досадой спросил Котелков.

– Тяжко болен. Малярия.

– Ну и мы тут – не просо воробьям давать, – пробормотал Котелков сквозь зубы.

Болгарин ничего не понял, он радовался, что рядом с ним стоят русские и, значит, враги не уйдут. Подофицер опасался только, как бы русские сгоряча не подумали про Атанаса Георгиева, что он фашист.

– А где бумаги посольства? – спросил Котелков.

– Дома у Георгиева. Все в порядке, товарищ!

– По вагонам! – крикнул Котелков.

Несколько секунд на полустанке мелькали тени. Это десантники вскакивали на площадки вагонов. Два-три выстрела. Немецкая возбужденная речь. Чей-то крик... Бабин вслед за одним из автоматчиков тоже вскочил в ближайший вагон – он должен найти радиостанцию.

Как ни возбужден был Бабин, он удивился тому, что увидел в свете «летучей мыши»: германский дипломат стоял перед майором Котелковым навтыжку. Он так нелепо тянулся перед майором, что напомнил Бабину одного пленного обозника, которого шоферы его автобуса вытащили из засыпанного снегом стога в донской станице. Однако времени терять нельзя. Миша просунулся между майором и фашистом и смело пошел по всем купе. И немецкие офицеры поднимали при его появлении руки. Где же радиостанция?..

– Взять вагоны под наблюдение! – командовал Котелков. – И чтобы мышь не проскочила! А ну-ка, братушки, ведите к вашему подпоручику.

Освещая фонариками дорогу, Котелков с группой лейтенантов бежал по селу. Учитель задохнулся, отстал. Его сменил подофицер Славчев. Переулок был похож на каменную щель. Впереди за домами старобалканской застройки слышался ропот горного ручья. Здесь пахло кожевными мастерскими, кислым запахом дубления. Подпоручик Георгиев жил в последнем доме, над рекой. Дверь была открыта настежь.

Котелков вошел первым.

– Кто тут живой? – спросил из-за его плеча автоматчик.

Прислушались – тишина. Только за окном шумел поток. Прошли еще две комнаты.

– Господин подпоручик, вы спите? – спросил Славчев, заглядывая в горницу.

Котелков и автоматчики вошли вслед за ним.

Звездный свет ночи едва проникал сквозь решетку полуоткрытого окна. В горнице пахло странной смесью кожи и пороховой гари. Котелков, широко расставив ноги, вглядывался в полумрак. Подпоручик лежал на тростниковой кушетке. Ужасно длинными казались вытянутые ноги в тяжелых болгарских сапогах. Лицо глядело в потолок. Что-то темное, как будто курчавое, напоминающее каракулеву шкурку, облегал его шею и плечи.

– Порядочек, – сказал Котелков.

Он подошел вплотную. Теперь он видел, что это за каракуль: широкая резаная рана в загустевшей кровавой корке. От шагов Котелкова узкая плетеная кушетка поскрипывала под трупом.

– Понятно.

Горница опустела. В доме слышались шаги солдат, их голоса, Славчев звал хозяйку:

– Костадинка! Где ты, Костадинка?

Котелков посветил фонариком. Вдоль стены валялись разбросанные баулы дипломатического архива. Судя по беспорядку, кто-то второпях рылся в них.

На коврике под правой рукой Георгиева – револьвер. Майор поднял, понюхал – подпоручик стрелял. Кровавые следы шли к двери. Котелков внимательно оглядывал горницу. Домотканое одеяло лежало брошенное на пол в ногах подпоручика. На гвозде висела фуражка с бело-зеленой кокардой. На столе – стакан с недопитым чаем, облатки, наверно хина, косточки сливы на блюде. На отсыревших стенах – церковная картина с видом Иерусалима и тусклый портрет усатого и завитого мужчины времен оттоманского владычества.

Что же случилось здесь полчаса назад?

Болгарский солдат шепотом позвал майора.

– Кто был в доме? – спросил Котелков.

– Старуха. Больше никого. Она спятила, что-то бормочет.

Вслед за солдатом майор сошел по крутой лестнице в кухню. Горный поток шумел под открытым окном, возле которого на низенькой скамеечке сидела старуха в черной шали. Она не замечала толпившихся в кухне солдат.

– Вот так гости, – оцепенело твердила она. – Вот так гости...

– Что говорит? – спросил у болгар Котелков.

– Бессмыслица, – ответил Славчев. – Не разберу, при чем тут...

– Вот так гости, – внятно твердила старуха, гортанно и резко звучал ее голос. В свете фонарика Котелков увидел, как подагрической рукой она поправила седую прядь.

– Послушай, мама, – тронул ее за плечо Котелков. – Ты не бойся, рассказывай. Мы – русские.

Старуха обратила на него застывший взгляд:

– Вот так гости. Они искали подковы. Я слышала: «Пять подков! Бързо, бързо... быстро!»

Потом стали двигать стульями, как будто подметали пол. Потом – выстрел... Они пробежали по лестнице. Один, за ним другой... Вот так гости.

– Ты их узнала, мама? – допытывался Котелков. – Это были болгары или...

Но, видимо, ужас мешал ей ответить членораздельно.

– Вот так гости, – бормотала старуха.

10

Нет ничего прелестнее болгарских городков на рассвете, когда вчерашняя пыль улеглась и горы чисты над крышами, а в палисадниках благоухают розы и качают своими пушистыми головками астры, и даже конское ржание просыпающихся солдатских обозов не нарушает этой простодушной прелести.

Едва светало, когда Шустов растолкал во дворе шофера спецмашины и поднял полковника Ватагина. Они выехали еще до того, как на дорогу вытянулись колонны грузовых машин, минометные батареи и конные обозы.

С радиостанцией полковник теперь, в Болгарии, не разлучался. И младший лейтенант Шустов рядом, в машине, – с ним веселее. Удивительный человек этот Славка: и отважный воин, и в то же время легкомысленный мальчишка. На Миусе он спас бетонный мост: влетел на мотоцикле под огнем противника, когда до взрыва оставалось секунд двадцать, и затоптал бикфордов шнур. Потом спрашивали его – он и сам не знал, как это случилось. Но числилось за ним и много смешного: однажды он впотьмах принял тол за мыло и отдал хозяйке на стирку кусочек взрывчатки. Офицеры дразнили его: «Ну как, мыло не кончилось? Не смылил?» На это Славка не обижался. Щеголь он был отчаянный и, хотя перестал носить планшет и спрятал финку с янтарной рукоятью, но перед каждым рейсом надраивал до полного блеска свои шевровые сапоги.

Все оперативные работники от него отказывались: ненадежен этот стажер, недисциплинирован. Ватагин говорил им: а вы напрасно – и оставлял Шустова при себе. По молодости лет Шустов не догадывался, что со своим шумным ребячеством он просто необходим Ватагину, что тот отдыхает в его компании и от утренних бумаг, и от бесконечных телефонных переговоров, и от ночных поездок в Военный совет.

Шустов знал на фронтовой дороге всех шоферов, всех регулировщиц. За баранкой, особенно в населенных пунктах, ему приходилось трудновато: с риском для жизни – своей и полковника – он провожал взглядом каждую мало-мальски хорошенькую девчонку и, заметив внимание полковника, говорил ненатуральным баском: «Предпочитаю блондинок, слегка склонных к полноте...» Ватагин догадывался, что за внешней развязностью Шустова скрывается самая настоящая застенчивость, может быть, поэтому в любовных делах его и постигали страшные разочарования. Девушки почему-то не ценили его, но через два-три дня Славка забывал все огорчения: природная доверчивость и широта натуры заживляла раны сердца. Ватагин исподтишка наблюдал эти минуты борения самолюбия и веселости. В последний месяц регулировщица Даша Лучинина встала со своими флажками на Славкином пути. Надолго ли?

Ватагину не скучно было слушать бестолковые монологи Шустова – о футболе, о кинофильмах, о прочитанных книгах. Не подсчитать, сколько раз полковник должен был восхищаться похождениями Капитана Сорвиголовы в Англо-бурской войне. Это любимая книга детских лет Славки Шустова. Ее написал Луи Буссенар. Война там не похожа на нынешнюю, враги – великодушны, как рыцари. Славка мог в любую минуту завестись и рассказывать. И при такой детской нетребовательности к собеседнику он был от природы понятлив и тактичен и, что еще удивительнее, – наблюдателен. Вдруг вспомнит, какие были у пленного немецкого оберста мягкие светлые волосы с пробором на середине, а под усами улыбка и румянец на щеках; и как его, Славку, удивили грязные руки пленного; и как неверно и резко оборвал немца майор Котелков: «Мы учили немецкий язык, чтобы допрашивать, а не разговаривать...» И тут, если полковник не прерывал Славку, он мог еще пятьдесят километров вспоминать вслух, как он сам учил немецкий язык – в трамвае, в антракте на спектакле, на стадионе; он зажимал большим пальцем левый столбец и говорил сам с собой по-немецки: «Рехт хабен – быть правым...»

И как он все-таки срезался в четверти и учитель немецкого языка стал его личным врагом: в ту минуту он его ненавидел до дрожи.

Спецмашина с часовыми на подножках шла по горным дорогам тяжело и осторожно. Поездка затягивалась. То танки перекрывали на много часов дорогу, то на перевале дожидались попутного тягача. Повсюду на остановках радист распускал антенны. А чуть вечер – искали уединенной стоянки для ночлега, чтобы слушать всю ночь по расписанию работы.

При всех этих хлопотах Славка ухитрялся жить полной жизнью со всеми дорожными удовольствиями и огорчениями, ссорами и новыми знакомствами. В Варне он купался: прыгнул в море прямо с мола. Он ел только болгарскую еду, например «зарзават» в глиняной миске. Из фруктов предпочитал не яблоки, а мушмулу. В Добриче накопил табаку, три арбуза и фисташек, которыми засыпал все сиденье. В Шумене собрался сбежать в турецкие бани, да полковник отговорил:

– Хорош будешь после бани в такой пыли! Брось. Не уйдут турецкие бани.

Они въезжали в городок, искали корчму – пообедать.

– Молим! – подзывал Славка официанта.

Он заказывал себе и полковнику пылающий перец, фаршированный творогом.

Ватагин предоставлял стажеру вести переговоры и только иногда внушал:

– Ты теперь не просто младший лейтенант Шустов. Ты теперь – руснак! Больше выдержки.

Они обедали, а вокруг толпился народ, по-южному пылкий, возбужденный великими событиями. Славка заговаривал то с девушками-партизанками, которые упрашивали его поместиться оружием, то с монахом: угощал его солдатской махорочкой, а старец приглашал в гости в свой монастырь. По улицам вели изловленных фашистов или местных богачей фабрикантов, иных – прямо в носках, как захватили на чердаке или в погребе, и народ гневно вздыхал, вглядываясь в их ненавистные лица. Кто-то празднично выдувал на овечьем бурдюке диковинную музыку, и Славка тотчас узнавал название инструмента – гайда. Он все хотел попробовать, понять, вкусить, и всего ему было мало.

И на дорожных перегонах было хоть и пыльно, но весело.

Обозы тянулись – казалось, вся Россия в гости к болгарам! Реки были желты, горы зелены. Деревья подстрижены. На стареньких машинах мчались новые власти – кметы, народная милиция: в Софию и обратно. Ехали с гор партизаны на конях. Старухи восседали у ворот с пряжей в руках. Цыганский табор отдыхал с выпряженными конями. Странно выглядели ходжи в белых чалмах: Славка узнал – правоверные турки, побывавшие в Мекке. Детвора бежала за орудиями. Из девичьих рук летели в кузова грузовиков цветы и гроздья винограда... Вот и еще одно село осталось позади.

Сторонясь и пропуская Славку, армейские обозы заполняли дороги – бесконечный поток телег, бричек, фур, пролетов, шарабанов. Все довольны: боя не слышно впервые за долгие времена войны.

– Не слыхал ли, земляк, где она теперь, передовая?

– Да сказывали, в Сербии, в горах.

Благодушие на пыльных лицах. И едут, едут войсковые обозы. Лошади бегут ходко. Почмокивают ездовые. Истосковались по вожжам крестьянские руки.

– Но, но, мухортый!

И пылят по Болгарии обозные меринки – соловые, рыжие, каурые, кобылки гнedyе да корноухие, с лысинками на лбу, с гривами налево, направо, а то и на обе стороны; бегут за колесами жеребята – чалые, игреневые, белогубые, ржут тоненько, перестукивают копытцами, радуют солдатские души. Тут и надежда на скорую победу, на встречу с родными не отстают от сердца, как лошенок от брички.

Теперь полковник Ватагин не пропускал ни одного обоза: выходил из машины, заговаривал с ездовыми, оглядывал лошадей. Славка с удивлением замечал вдруг пробудившийся в Ватагине интерес к сбруе, попонам, кормушкам. Трофейных лошадей выпрягали из подвод, и Ватагин лично присутствовал при ветеринарном осмотре.

Однажды провели мимо по дороге понурую лошадь. Взъерошенная шерсть потеряла блеск, дрожь окатывала спину и круп, из углов глаз спускались гнойные шнурки. Ватагин чуть не на ходу выскочил из машины: да, это сапная!

– Куда? – крикнул полковник.

– На скотомогильник... куда же еще?

– Там, где проходили, цыганских лошадей не было?

– Болгары говорят: это немец гадит. Вот зараза. Добрый конек был.

Сели в машину с ветеринарным врачом, подвезли его, и по дороге Славка все понял из разговора полковника с капитаном: армейские кони заражаются сапом от местного поголовья, срочно созданы изоляторы, взяты на учет все скотомогильники, производится проверка на маллеиновую реакцию (этого Славка не понял, но запомнил на всякий случай незнакомое слово).

Когда уже высадили врача, младший лейтенант спросил осторожно, как всегда, с подходцем:

– Входит в нашу сферу?

И полковник молча кивнул головой.

– Вот гады... – спустя несколько минут пропел Славка с той душевной интонацией, которую он легко усвоил в украинских селах у сердобольных, певучих молодаяков. – А скоро ль наши с десанта вернутся? – вспомнил он по одному ему понятному ходу размышлений.

– Думаю, что уже вернулись, поджидают нас впереди, в штабе, – ответил Ватагин.

11

В тот же вечер приятели встретились.

Перед ними на большом столе, за которым только что отужинали ординарцы, были разложены фотографии. Синий плюшевый альбом, найденный на полустанке, испачканный мазутом, изучался под лупой.

– Так ты считаешь, что об этой твоей находке не нужно знать полковнику? – допрашивал с пристрастием Славка Шустов.

– Даже и не думал об этом.

– Но, может, ты думал, откуда и как на турецкой границе в железнодорожной канаве очутился семейный альбом из царской России, с видами Ярославля и его соборов?

На такой прямой вопрос Бабин действительно не мог ответить.

Всего три часа, как он прилетел из операции, разыскал штаб фронта, уже находившийся с войсками на дорогах Болгарии, дождался Шустова – и вот опять препирательства! Теперь, под влиянием Славкиной мнительности, радисту стала казаться подозрительной его собственная находка. Там, на полустанке, это даже не приходило в голову.

Все началось с того, что никакой радиостанции в поезде обнаружить не удалось. Может быть, она осталась на чердаке в посольстве? Утром Бабину делать было нечего. Болгары на дрезине повезли в столицу тело подпоручика Георгиева. Наши десантники дали прощальный залп из автоматов. Потом всю фашистскую компанию с ее бумагами погрузили на колдуновские самолеты и отправили в штаб. Майор Котелков продиктовал Мише шифровку. Радиопередатчик он поставил в доме, где погиб Атанас Георгиев. Усевшись у аппарата на кухне, Миша слушал шум горного потока за окном и скучал.

Котелков приказал ему и еще двум автоматчикам собрать на путях и в вагонах весь бумажный сор – до последнего клочка. Миша обрадовался занятию. Тут-то в канаве, возле железнодорожного полотна, он и нашел плюшевый альбом. Присев на травку, он заглянул в него, и первое, что совершенно ошеломило его, – это Ильинская церковь. Даже во сне Миша Бабин узнал бы среди всех архитектурных ансамблей этот прекрасный памятник ярославского зодчества семнадцатого века хотя бы потому, что мать его работала экскурсоводом в Ильинской церкви, и в детстве Миша бывал там так же часто, как у себя дома. Ярославль – его старинные церкви: Иоанн Златоуст в Коровниках, Никола Мокрый и монастыри, крепостные башни и звонницы – родной древний город глядел на Бабина с каждой страницы. Это был семейный альбом стародавнего дворянского семейства – с реликтами многих поколений. Наверно, какая-нибудь эмигрантская семья завезла в Болгарию после революции эту синюю плюшевую книгу, на толстых картонных листах которой сидели попарно архиереи и невесты, сенаторы и бабушки в кружевных наколках, генералы, новорожденные в крахмальных конвертах, гимназисты и кормилицы. Все это было Мише неинтересно, но Ярославль – вот он во всей древней красе! И Миша, сунув альбом под мышку, решил не расставаться с ним. Потом его взяло раздумье. Ведь Котелков приказал собрать на путях все – до последнего клочка. Может быть, и альбом пойдет в дело? Сам не веря этому, он показал майору; тот повертел в руках, молча возвратил. И Миша втихомолку обрадовался, сел у своего аппарата, подложив под себя альбом. Пусть теперь шумит горный поток за окном! Бабин как будто дома побывал, счастливое состояние отпускника не покидало его. С этим он и вернулся из десанта.

Однако Шустов увидел все совсем по-иному, по-своему. Покуда Миша уплетал военоторговские котлеты и пил воду из сифона, Слава принялся за изучение альбомных фотографий. Каждый снимок он повертел в руках, прочитал каждую надпись на обороте, рассмотрел рекламные парижские медали, большие и малые, которыми хвастали, создавая себе репутацию,

провинциальные фотосалоны. И то, чего не мог заметить, о чем даже не задумался Бабин, – все засек и обдумал.

– Станный альбом.

– Ничего странного.

– Просто загадочный альбом. Ты не заметил, что больше половины фотографий – не ярославские, а самые настоящие здешние, заграничные?

– Ну и что же? Как, по-твоему, – где мы с тобой находимся?

– Видите ли, бросается в глаза то обстоятельство, – Шустов перешел на язвительно-вежливый тон, – что на старинных ярославских снимках попадаются и грудные младенцы, и девушки, и бабушки. А на здешних – только мужчины. Притом один и тот же мужчина, снимавшийся в разных городах и в разных костюмах: вот он в белом фартуке и в крагах, как у мясника, – снимок сделан в Араде, вот он в дорожном туристском костюме с биноклем в руках – снимок сделан в Казанлыке, вот он в турецкой феске – снимок сделан в Бургасе, вот – в монашеской рясе, снято в Прилепе. Станные переодевания!

– Слушай, Славка, а тебе не кажется странным, что здесь все говорят по-болгарски?

Славка не удостоил вниманием эту остроту.

– Отвечай, как, по-твоему, этот альбом попал в канаву?

– Ну, может быть, кто-нибудь из дипломатов выкинул из вагона.

– Зачем же гитлеровцу понадобилось увозить эмигрантский альбом с собой в Германию?

– Наверно, на память. Не знаю. А ты знаешь?

– Я предполагаю.

– Что именно?

– То, что сразу приходит на ум: это – шифровальная таблица. Не знаешь разве, как устанавливают цифровой код по условленным книгам? Потому-то они и выбросили из вагона: очень им интересно, чтобы шифровальная таблица попала в твои руки.

– Ого! Давай перейдем на шепот. – Бабин явно иронизировал. – И ты сразу догадался? Талант, талант.

– Я так думаю, что этот ярославский альбом будет позагадочнее убийства вашего подпоручика. Нет, ты скажи, как мог майор пройти мимо такой находки! – пробормотал Слава и снова углубился в исследование странной коллекции.

Прежде всего ему хотелось догадаться, кто мог быть хозяином альбома. Вряд ли этот загадочный, разнообразно костюмированный человек: во-первых, мужчины вообще редко заводят семейные альбомы, во-вторых, тщательно сопоставляя портреты, Славка не нашел ни одного снимка этого человека в детстве или в юности; он, видимо, не был и русским – все его фотографии сделаны на Балканах. Красивая седая женщина – великолепная, снятая то в сафьяновых сапожках с хлыстом в руке, то почти обнаженная, с красивыми длинными ногами, полусыпанными золотистым песком, на пляже какого-то курорта, то в Ярославле еще совсем малюткой, играющей в мяч, то на любительском пожелтевшем снимке в казачьей форме, в папахе набекрень – на палубе парохода. Скорее всего – это русская эмигрантка (звали ее Маришей, Мариной Юрьевной, судя по подписям в посвящениях), а мужчина – ее муж или просто любовник, из здешних, балканских. Может быть, артист, снимавшийся в каждой своей роли?

Славка никому не признался бы в этом: он не просто разглядывал, он группировал портреты по улыбкам, по рисунку галстуков, даже по числу пальцев, видных на снимке. Он запомнил названия всех городов, где делались снимки: Силистрия, где он разговорился с русской девушкой, бежавшей из Германии и вон докуда добежавшей; Шумен, где он ночевал в штабе народной милиции (там его водил в корчму ужинать молоденький милиционер, мечтавший поехать в Россию учиться на агронома в Тимирязевской академии).

Понемногу воспоминания последних дней, мысли о Даше Лучининой, дорожные впечатления одолели Славку, и он заснул над альбомом, уронив на него руки и голову.

12

На веранде стояли две плетеные качалки и круглый стол. Вдали синели Западные Балканы.

Майор Котелков уже сдал отчет о десантной операции, и теперь полковник Ватагин беседовал с ним просто так, вперевалячку, уточняя подробности. Прежде всего хотелось понять, как работали летчики, потому что майор в своем несколько нескромном отчете забыл об этой стороне дела. Между тем выяснилось, что летчики работали отлично с той самой минуты, как взлетели в Чернаводах и взяли курс над Болгарией на юго-юго-запад. Колдунов уточнился при подходе и вывел машины на полустанок. Всю ночь летчики не отходили от самолетов, готовые ко всяким случайностям, создали что-то вроде круговой обороны: залетели в глубокий тыл противника, опередив на три суточных перехода подвижные наземные части.

– Видите, как интересно! Награждать надо ребят, а вы об этом – ни слова, – мягко укорил Ватагин.

Котелков поглаживал бритую голову, и непонятно было по его хмурому взгляду – согласен ли он с тем, что надо наградить летчиков. Все-таки он припоминал теперь некоторые живые черточки операции:

– Утром доставил я летчикам их новых пассажиров, дипломаты зубами скрипят, а Колдун закурил трубку. «Покажите, – говорит, – мне этих чудиков...» – Майор рассказывал веселые подробности, но без улыбки. – А у меня своя забота: этих чудиков накормить надо! Болгары везут со всех сел продукты, думают – для нас. «Везите еще», – говорю им.

– Вы бы им сказали: надо и пленных кормить, – заметил Ватагин.

– Стыдно: денег болгарских нету и на огурец!

– Что ж вы думаете – сколько лет они терпели от фашистов, в последний раз не накормили бы? Денег нет... – Ватагин покачал головой. – И почему вы болгарских пограничников отстранили от операции?

Наконец договорились до дела. Котелков отлично понимал, что Ватагин весь разговор завел из-за одного этого пункта: почему обидели болгар на полустанке?

– Знаете, товарищ полковник, в таком деле лучше на себя положиться. Доверять никому не следует.

– Вот в этом-то ваше обычное заблуждение.

Не первый это был разговор между Ватагиным и Котелковым, и оба знали, что скажут друг другу. На этот раз Ватагин был, видимо, недоволен пренебрежительным отношением майора к болгарам, а Котелков втайне торжествовал: что бы там ни было, а посольская банда заприходована со всеми восемнадцатью баулами переписки. Крыть нечем, товарищ начальник.

– Вы, товарищ полковник, все болгар на первый план выдвигаете, а, между прочим, подвели они своего подпоручика, пропустили из поезда к нему... Этот Славчев вообще подозрительный тип.

– Вы уверены, что убийцы – из поезда? – Ватагин вынул из ящика стола две бумажки, болгарский текст и его русский перевод. – Вот, тот же Славчев, например, довел до сведения штаба Народно-освободительной армии, что им обнаружены конные следы двух всадников на проселке. А что, если они из Софии?..

Майор догадывался, что полковник не будет сегодня говорить о главном, что составляло все содержание отчета, – о захвате германского посла. Ватагин отвлекался, подробно расспрашивал, например, о стычке Атанаса Георгиева с послом из-за бочонка с розовым маслом. А стоит ли об этом разговаривать! Котелков процедил сквозь зубы что-то об отсутствии выдержки у болгарина. Полковник поправил складки гимнастерки под ремнем, коротко возразил:

– Болгары любят свою родину, Котелков. И нечего ставить им это в вину.

Они говорили вполголоса. За дверью стонала хозяйкина дочь, неделю назад бежавшая сюда из Софии. У нее подагра, обострившаяся после трех месяцев ночевки в сырых бомбоубежищах во время массовых американских налетов на город. Полковник раздобыл ей атофан, боли усилились – врач говорит: хороший признак.

– Вы что хмурый? Не выспались? – спросил Ватагин.

– Нет, ничего, – ответил Котелков. – Квартирьер, черт, с Цаголовым поселил. Разве с ним уснешь?

Ватагин изобразил на лице сочувствие. Кому не известно, что самый разговорчивый собеседник – это Сослан Цаголов, веселый красавец, по-кавказски поджарый, смуглый, с насмешливо играющими желвачками на скулах.

– Два болтуна у нас: Цаголов и Шустов, – заметил полковник.

– И оба любят друг друга.

– Я их тоже люблю, – кратко скрепил Ватагин. – О чем у Цаголова теперь разговор?

– Все о том же: тоскует по флоту, хочет рапорт писать.

– Не отпущу.

Давно не беседовали они с такими удобствами: на столе пепельница, бутылка красного вина, сифон с водой.

– Слушайте, кстати, – вспомнил полковник, откладывая бумаги, – вы не видели еще один занятный документ, доставленный на ваших самолетах? Плюшевый альбом с видами Ярославля.

– Нет, не видел, – ответил Котелков и добавил с усмешкой: – Я и чемоданами посольской фрау не интересовался. Упущение.

– А мне Шустов показал альбом.

Майор свирепо шевельнул кожей на бритой голове. Он еще рассчитается с выскочкой, который полчаса назад позволил себе выражать крайнюю степень удивления по поводу того, что плюшевый альбом не возбудил интереса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.